

Историческая память и социальная идентичность дагестанского населения

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru, SPIN-код: 7291-0138, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Аннотация

Введение. Историческая память является одним из компонентов формирования государственно-гражданского, регионального, этнического типов социальной идентичности. При обозначении приоритетности на государственном уровне значимости российской идентичности, актуализируется проблема изучения вектора взаимоотношения и взаимовлияния исторической памяти и типов социальной идентичности.

Цель. Показать типы социальной идентичности, оценить роль исторической памяти в формировании патриотизма дагестанского населения, факторы консолидации современного российского общества.

Объект исследования: дагестанское население. **Предмет исследования:** типы социальной идентичности дагестанских народов и источники исторической памяти.

Методы. Социологический опрос по изучению патриотизма в современном Дагестане проведен в гг. Махачкала, Дербент, Кизляр, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Левашинском, Казбековском, Кизлярском, Хасавюртовском, Чародинском районах Республики Дагестан методом случайного отбора. N=967.

Результаты. Историческая память выступает одним из ключевых оснований гражданской и этнической идентичностей граждан, символически объединяет их наследием прошлого и консолидирует общество. На основе полученного социологического материала делается вывод о важности для дагестанского населения республиканского и государственно-гражданского типов социальной идентичности. Ключевым тезисом статьи является обозначение социальной идентичности и исторической памяти в формировании патриотических установок дагестанского населения, а также параметров интеграции современного российского общества. Кроме того, на формирование исторической памяти и векторов ее развития непосредственное влияние оказывает множество факторов: поведение человека, традиции, политические предпочтения, религиозное мировоззрение.

Выводы:

- несмотря на доминирование в общественном сознании дагестанских народов республиканского типа идентификации, российская идентичность находится на лидирующей позиции при относительно слабой выраженности этнической идентичности;
- обозначение общности с россиянами является ключевым фактором, во-первых, в формировании патриотических установок, во-вторых, в воспроизводстве исторической памяти;
- источниками получения исторических знаний выступают кинофильмы, телепередачи об исторических событиях, учебники истории, специальная историческая литература, рассказы людей старшего поколения, а также семейные архивы при низкой востребованности музеев;
- консолидационными факторами российского социума являются: а) идея объединения народов для решения стоящих перед Россией экономических проблем; б), вопросы технологического развития в целях ее возрождения как великой державы, в) соблюдение законности и прав граждан, г) героизм российского народа в зоне Специальной военной операции и военная мощь российской армии, д) наличие сильного и авторитетного лидера.

Ключевые слова: историческая память, массовое сознание, социальная идентичность, патриотические установки, этническая идентичность, дагестанское население, исторические знания, самоидентификация, историческое наследие, консолидирующая идея

Для цитирования: Шахбанова М. М. Историческая память и социальная идентичность дагестанского населения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 1. С. 177–186. EDN IKWQJA

Original article

Historical memory and social identity of the Dagestani population

Madina M. Shakhbanova

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, madina2405@mail.ru, SPIN-код: 7291-0138, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Abstract

Introduction. Historical memory is one of the components of the formation of state-civil, regional, and ethnic types of social identity. When prioritizing the importance of Russian identity at the state level, the problem of studying the vector of interrelation and mutual influence of historical memory and types of social identity is actualized.

Purpose. To show the types of social identity, to assess the role of historical memory in the formation of patriotism among the Dagestani population, and the factors that consolidate modern Russian society.

The object of research of the study is the Dagestani population. **The subject** of the study is the types of social identity among the Dagestani peoples and the sources of historical memory.

Methods. A sociological survey on the study of patriotism in modern Dagestan was conducted in the years in Makhachkala, Derbent, Kizlyar, Khasavyurt, Botlikh, Derbent, Levashinsky, Kazbekov, Kizlyar, Khasavyurt, Charodinsky districts of the Republic of Dagestan by random selection. N=967.

Results. Historical memory is one of the key foundations of citizens' civic and ethnic identities, symbolically uniting them through the legacy of the past and consolidating society. Based on the sociological data obtained, the article concludes that the Dagestani population values the republican and state-civil types of social identity. The key thesis of the article is the role of social identity and historical memory in shaping the patriotic attitudes of the Dagestani population and the integration of modern Russian society. In addition, many factors directly influence the formation of historical memory and its development vectors: human behavior, traditions, political preferences, and religious worldviews.

Conclusions:

- despite the dominance of the Republican type of identification in the public consciousness of the Dagestani peoples, Russian identity is in a leading position with a relatively weak expression of ethnic identity;
- the designation of commonality with Russians is a key factor, firstly, in the formation of patriotic attitudes, and secondly, in the reproduction of historical memory;
- sources of obtaining historical knowledge include films, TV programs about historical events, history textbooks, special historical literature, stories of older people, as well as family archives, with a low demand for museums;
- the consolidation factors of Russian society include: a) the idea of uniting the peoples to solve Russia's economic problems; b) the issues of technological development in order to revive Russia as a great power; c) the observance of the rule of law and the rights of citizens; d) the heroism of the Russian people in the Special Military Operation zone and the military power of the Russian army; and e) the presence of a strong and authoritative leader.

Keywords: historical memory, mass consciousness, social identity, patriotic attitudes, ethnic identity, Dagestani population, historical knowledge, self-identification, historical heritage, consolidating idea

For citation: Shakhbanova M. M. Historical memory and social identity of the Dagestani population. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2026;(1):177–186. (In Russ.). EDN IKWQJA

Введение

В современной научной литературе феномен «память» и «историческая память», как одна из форм ее существования, разрабатывается в рамках социально-гуманитарных наук, более того, «активно обсуждается проблема соотношения истории и памяти, исторической/культурной памяти и идентичности» [1, с. 9].

При рассмотрении исторической памяти закономерно возникает потребность в установлении содержания явления «память». По мнению Ю.А. Сафроновой, «память – это способ конструирования людьми своего прошлого... память-свидетельство людей, переживших некий опыт... репрезентации прошлого и его конструирования через медиа памяти – книги, фильмы, монументы, церемонии и т.д.» [2, с. 15], поэтому, «изучая память последующих поколений на события прошлого, мы имеем дело не только с репрезентациями и конструктами этой памяти, но и с образцами памяти, отобранными коллективом, группой, обществом как наиболее значимые. По этой причине у каждой нации есть своя историческая память, определяющая идентичность данного народа... Историческая память включает в себя не только сами факты, события прошлого, но и их понимание, осмысление последующими поколениями, ставя им положительные, нейтральные, отрицательные оценки, выделяя одни и предавая забвению другие» [3, с. 59].

Р. Дж. Коллингвуд четко разграничивает память и историю, подчеркивая их автономность: «память – не история, ибо история – определенный вид организованного или выводного знания, а память вообще не является ни организованной, ни выводной» [4, с. 241]. За отождествление истории и памяти выступает Б. Гене, «но не той, которая была в действительности, а той, которую сотворили историки» [5, с. 19]; в отличие от него П. Нора придерживается противоположной точки зрения и считает недопустимым приравнивать память и историю, поэтому стремясь «примирить» память и историю, ввел понятие «место памяти»: это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [6, с. 26]. По мнению Х. Вельцера, «история и память – две совершенно разные вещи; при усвоении их индивидом они претерпевают специфические смещения и порождают специфические выводы... в то время как история занимается установлением имевших место фактов и выдвиганием по их поводу поддающихся проверке утверждений, память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным» [7, с. 56].

Что такое историческая память? В науке имеет место множество определений феномена «историческая память». По мнению Л.П. Репиной, «историческая память – сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторического опыта (реального и/или воображаемого), но одновременно она может выступать как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях. Одна из важнейших проблем, решение которой приобретает все большую актуальность, касается изучения представлений о происходивших в прошлом глубоких социальных трансформациях и конфликтах, поскольку эти представления играют ключевую роль в идейной полемике и политической практике. Как известно, «тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее»: речь идет об исторической легитимации как источнике власти и об использовании исторических мифов для решения политических проблем. Борьба за политическое лидерство нередко проявляется как соперничество разных версий исторической памяти и разных символов ее величия и позора, как спор по поводу того, какими эпизодами истории нация должна гордиться или стыдиться» [8, с. 6].

Важным в рамках изучения исторической памяти является ее отражение на формирование идентичности человека: по мнению Й. Рюзена, «именно сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего» [9, с. 48]. Я. Ассман подчеркивает, что «сознание социальной принадлежности, то, что мы называем "коллективной идентичностью", основано на участии в общем знании и общей памяти, которые сообщаются через говорение на одном языке... Культура в состоянии ее дифференцирующей интенсификации... неизбежно связана с особым сознанием принадлежности и сплоченности, с мы-сознанием, приобретающим интенсивность благодаря ограничению от "они"» [10, с. 51, 169].

Исследование исторической памяти показывает ее тесную связь с идентичностью, ибо историческое наследие в форме материальных и духовных артефактов выступает индикатором воспроизводства разных типов социальной идентичности. Поэтому естественным является, что «в последние десятилетия "историческая память" стала рассматриваться, с одной стороны, как один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, а с другой стороны – как важнейшая составляющая самоидентификации индивида и как фактор, обеспечивающий идентификацию и консолидацию политических, этнических, национальных, конфессиональных, профессиональных и других социальных групп, формирующегося у них чувства общности, принадлежности, лояльности и/или эмоциональной приверженности к той или иной группе, способствующего ее консолидации» [11, с. 13].

Эмпирическая часть исследования

Социологический опрос по изучению патриотизма в современном Дагестане проведен в гг. Махачкала, Дербент, Кизляр, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Левашинском, Казбековском, Кизлярском, Хасавюртовском и Чародинском районах Республики Дагестан. N=967. Распределение респондентов по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 471 чел. (48,7 %), женщины – 496 чел. (51,3 %); б) возраст: 15–35 лет – 381 чел. (39,4 %), 36–60 лет – 308 чел. (31,9 %), старше 60 лет – 278 чел. (28,7 %); в) образование: неполное среднее – 157 чел. (16,2 %), среднее – 287 чел. (29,7 %), среднее специальное – 259 чел. (26,8 %), высшее – 264 чел. (27,3 %); д) отношение к религии: верующий – 881 чел. (91,1 %), неверующий – 31 чел. (3,2 %), колеблющийся – 55 чел. (5,7 %). Время проведения опроса: март – июнь 2025 г. Опрос проведен путем раздаточного анкетирования. В анкете 17 полузакрытых вопросов (200 позиций); из розданных 1100 анкет пригодными для анализа оказались 967, обработка полученного социологического материала проведена в программе FAR.

Результаты исследования

В авторском исследовании был задан вопрос «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?», позволяющий получить информацию о типах социальной идентичности дагестанских народов. Эмпирический материал свидетельствует о доминировании в общественном сознании 36,4 % опрошенных по всему массиву республиканского типа социальной идентичности, с возрастом и повышением уровня образования доля придерживающихся данной позиции уменьшается с 41,4 % в разрезе 15–35 лет до 32,7 % старше 60 лет, с 44,4 % имеющих базовое среднее образование до 31,9 % с высшим образованием.

По национальной принадлежности важность республиканской идентичности отмечена 51,3 % кумыков, 41,7 % лезгин, 36,3 % аварцев, 38,8 % даргинцев и 30,8 % лакцев. Российская идентичность занимает второе ранговое место (28,6 %) и ее значимость прослеживается с повышением возраста и образовательного статуса опрошенного дагестанского населения с 20,1 % в интервале 15–35 лет до 36,7 % старше 60 лет, с 24,1 % с базовым средним образованием до 36,3 % с высшим образованием.

По национальному параметру государственно-гражданская самоидентификация приоритетна в массовом сознании 75,0 % русских, 29,2 % аварцев, 29,1 % лезгин, 15,0 % даргинцев, 17,9 % кумыков, меньше таковых в подмассиве лакцев (7,7 %). В разрезе отношения к религии 60,0 % неверующих и 47,4 % колеблющихся, в подгруппе верующих процентный параметр существенно меньше (26,3 %). При этом 18,1 % опрошенных по всему массиву самоидентифицируются как последователи исповедуемого вероучения, наблюдается превалирование указывающих на важность религиозной идентичности в молодежной подгруппе 15–35 лет (23,6 %) при заметно меньшей части в возрастных интервалах 36–60 лет (13,6 %) и старше 60 лет (10,2 %).

Образовательный уровень оказывает влияние на идентификационный процесс: так, осознание себя представителем своей религии характерно для 20,4 % опрошенных с базовым средним, 22,1 % средним образованием, 15,8 % средним специальным и 16,7 % высшим образованием. Далее, этническая идентичность выражена у 14,9 % опрошенных по всему массиву,

среди них по национальной принадлежности больше всего лакцев (46,2 %) и меньше всего русских (8,3 %); по другим этническим подгруппам 25,4 % кумыков, 20,8 % лезгин, 12,7 % аварцев и 11,3 % даргинцев. Таким образом, иерархия типов социальной идентичности у опрошенного дагестанского населения констатирует важность республиканской и государственно-гражданской форм самоидентификации при ослабленности религиозной и этнической идентичностей, более того, последняя занимает последнее место среди предложенных суждений.

Что такое историческая память и какой смысл в нее вкладывает опрошенное дагестанское население? Ответы на вопрос «Как Вы думаете, что такое историческая память?» показывают, что в массовом сознании 33,6 % опрошенного дагестанского населения лидирует понимание исторической памяти как «памяти об общем прошлом, чувстве ответственности и долга перед предыдущим поколением»; с разницей в сотые, второе ранговое место занимает суждение, усматривающее смысл исторической памяти в «исторических событиях, в которых активно участвовали представители моего народа» (33,5 %). На «преемственность поколений, сохранение связи традиций предыдущего и настоящего поколений» указывают 28,2 % опрошенного дагестанского населения, 14,7 % респондентов исторической памятью считают «национальных героев своего народа». Суждения «события и воспоминания, которых хранит национальная история», «прошлое, настоящее и будущее моего народа и страны», «образ далекого прошлого народов», «исторические легенды и мифы», «мемуары, воспоминания, письма известных людей» отмечены 14,5 %, 14,2 %, 9,1 %, 8,9 %, 4,1 %, соответственно.

Установление сути исторической памяти требует выявления источников получения информации, ибо «знания и представления о событиях отечественной истории могут формироваться посредством источников и механизмов передачи информации» [12, с. 100].

Результаты ответов на вопрос «Из каких источников Вы получаете информацию об истории Российского государства, в том числе и Дагестана?» показывают, что источниками информации для опрошенного дагестанского населения являются учебники по истории (34,8 %), рассказы людей старшего поколения (33,0 %), телепередачи об исторических событиях (27,3 %), кинофильмы (22,4 %), специальная историческая литература (20,6 %), семейные архивы, награды, фотографии (18,9 %). Позиции «художественная литература», «журналы и газеты», «посещение музеев, выставок, исторических памятников», «мемуары известных исторических личностей», «радиопередачи» отмечены 13,3 %, 12,3 %, 9,7 %, 7,4 %, 3,2 %, соответственно.

Таким образом, полученный материал об источниках получения исторических знаний констатирует, что таковыми выступают кинофильмы, телепередачи об исторических событиях, учебники истории, специальная историческая литература, рассказы людей старшего поколения, а также семейные архивы при низкой востребованности музеев. Данное обстоятельство объясняется тем, что на территории Дагестана не происходили боевые действия, соответственно, нет братских захоронений, крупных памятников. Однако, как старшее, так и молодое поколение свято чтит героев и участников Отечественной войны, из года в год проводятся масштабные мероприятия празднования Дня Победы. Можно вспомнить Парад Победы, который устроили воспитанники детского сада «Родничок» (с. Нечаевка, Кизилюртовский район) и такие мероприятия формируют патриотические установки у подрастающего поколения.

Обозначение респондентами источником информации учебников по истории требует своего пояснения. Как известно, начиная с хрущевского периода, началась так называемая политика «борьбы с культом личности», в постсоветский период вышло довольно много публикаций, в которых приводились несоответствующие действительности данные о репрессиях, советский строй рассматривался исключительно как антинародный, националистически ориентированная часть общества обвиняла соседние народы в ущемлении своих прав. Иными словами, учебники истории, издававшиеся на западные гранты, естественно, преподносила историю России под собственным идеологическим видением, такой необъективный с научной точки зрения и достоверности анализ формировал негативный образ исторических личностей, руководителей нашего государства, формы правления, исторического развития и т.д.

Следует отметить, что и отечественные историки приложили «немало сил» для распространения откровенной лжи об исторических событиях. В западных странах, с распадом Советского Союза, началась ревизия исторических событий, отождествление германского нацизма и советского строя, данные тенденции в настоящее время только усилились. Преследование русского населения, русской культуры, формирование негативного стереотипа русского человека приобрело невиданный размах не только в западных государствах, но в странах входивших в состав СССР. Потихоньку «выясняется», как русский народ «эксплуатировал» населения среднеазиатских и закавказских республик, при этом никто не вспоминает масштабные стройки в этих регионах, развитие образования, культуры, экономической базы, промышленности и т.д. Более того, президент США Д. Трамп договорился до того, что США «выиграли» Вторую мировую войну, а Советский Союз только «помогал». В этой связи вполне обоснованной является точка зрения, что «учебники, в которых собрана систематизированная информация по истории, предполагают получение хороших знаний по отечественной истории. Однако эта литература не избежала ошибок в описании исторических событий, не всегда является надежным источником достоверной информации. Нередко история оказывается во власти идеологии. В учебной литературе вместо правдивого отражения конкретных исторических фактов оказываются "стертыми" страницы истории, или они оцениваются идеологически. Такого рода искажениям, например, было подвержено историческое образование в 1990-е гг., когда критике подвергался весь период советского прошлого. Возможно, отчасти эти проблемы привели к снижению востребованности учебной литературы в качестве источника исторических знаний: за период с 2001 по 2015 гг. популярность учебной литературы снизилась с 70,3 % до 47,0 %» [13, с. 101]. Автор полностью разделяет позицию И.В. Васильева и А.Н. Кузнецова: «с точки зрения научной истории превращать Россию из победителя во Второй Мировой войне в агрессора могут только люди, которые явно находятся не в ладах со своей совестью и имеют свои корыстные интересы. Как страна-победительница Россия играла ведущую роль в становлении действующего ныне миропорядка. Но кому-то не нравится роль России в современной системе международных отношений» [14, с. 144].

Наряду с искажением исторической правды, в европейских государствах наблюдается откровенная дискредитация роли Советского Союза и Красной Армии во Второй мировой войне. Особенно сильно русофобская идеология усилилась с началом Специальной военной операции, обвинениями в адрес российского руководства в развязывании «неспровоцированной агрессии» и это все на фоне военных действий и убийств гражданского населения Донбасса. Иными словами, страны входившие в состав СССР и социалистического лагеря ведут антироссийскую политику. Первыми шагами в данном направлении были снос памятников советским воинам, погибшим за освобождение европейских стран. Особенно «активна» в этом направлении Польша, чье руководство активно помогало нацистской Германии в уничтожении людей по национальной принадлежности. Массовое уничтожение исторического материального наследия, под лозунгами декоммунизации, происходит в нацистской Украине, впрочем, как и в странах Прибалтики, Германии, Чехии, Венгрии, Австрии, Болгарии и т.д.

Результаты исследований отечественных социологов констатируют, что «более половины населения страны убеждены в том, что от трактовки прошлого зависит наше общее будущее, поэтому "борьба за прошлое" имеет огромное политическое значение, в том числе и международное. Россияне прямо настаивают на противодействии тому, в чем мы видим искажение исторической правды...» [15, с. 78]. Разумеется, историческая наука обладает динамичностью, знания по мере получения доступа к архивам, нахождения новых документов только расширяются, однако в данном процессе нельзя допускать фальсификации причин тех или иных событий, что, к сожалению, наблюдается в отношении итогов Второй мировой войны. Вполне можно допустить, что такие попытки и дальше будут продолжаться, особенно на фоне внедрения в массовое сознание россиян комплекса «вины и неполноценности», формирования стереотипа о Российской империи и Советском Союзе как «варварской стране», «тоталитарном государстве, в котором "очень сильно ущемлялись права национальных образований"».

Если вернуться к эмпирическому материалу, то внимание было обращено на установление отношения респондентов к неуважительному отношению к общему историческому наследию. Поэтому был задан вопрос «Как Вы относитесь к сносу памятников советским воинам в странах Запада?», который показывает отношение дагестанского населения к актам вандализма и осквернения братских захоронений. Полученный эмпирический материал показывает доминирование в массовом сознании опрошенного дагестанского населения негативного отношения к сносу памятников с доводами «Россия внесла огромный вклад в уничтожение нацизма» (48,2 %), «Россия понесла тяжелые человеческие потери, освобождая Европу от нацизма» (36,1 %), «Россия должна вмешиваться и сократить сотрудничество с этими странами» (15,0 %). Варианты ответов «положительно, эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным» и «положительно, за последние годы открыты архивы, стали известны многие факты, которые заставили пересмотреть роль СССР в послевоенное время» отмечены 4,4 % и 5,5 %, соответственно; 8,5 % респондентов по всему массиву безразлично относятся к сносу памятников. Полученный материал хочется дополнить мнением В. Якобсона: «... что же касается памятников воинам-освободителям, то они должны быть неприкосновенны. Все эти люди дрались и умирали за свободу, и называть их "оккупантами" – подлая ложь. Еще большая подлость – отпускать по их адресу идиотские шутки... ни один народ никому ничего не должен. Теперь многие из этих большевиков стали ярыми националистами, чему не приходится удивляться (известно, что многие члены Коммунистической партии Германии превратились в ярых нацистов сразу после прихода Гитлера к власти)»¹.

В российском обществе очень остро стоит вопрос о формировании консолидирующей идеи, особенно сильно потребность в ней усилилась на фоне враждебной политики западных государств, хотя имеет место и агрессивная политика стран постсоветского пространства. На этом фоне, естественным является осуществление российским руководством такой внешней политики, которая защитит национальные интересы и обеспечит национальную безопасность и целостность нашей страны. Происходящие в нашем обществе события (теракты в отношении высокопоставленных военных, причем исполнителями выступают мигранты, сотрудничество российских граждан со спецслужбами западных государств, миграционная политика, вызывающая вопросы, появление этнических анклавов, навязывание местному населению своей модели поведения, демонстративное оправление религиозных предписаний и т.д.) свидетельствуют о том, что против Российской Федерации ведется целенаправленная политика на ее ослабление. Вызывает тревогу «разыгрывание» межнациональной и межрелигиозной карты, которое может иметь деструктивные последствия.

На высшем уровне обозначена необходимость о наведении порядка в миграционной сфере и получении российского гражданства, ибо данные области превратились в криминальные. Так, был издан Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы». На заседании Совета по межнациональным отношениям В. В. Путин отметил, что «необходимо пресекать провокации, попытки разжечь рознь между людьми, учитывая, что сами провокаторы, как правило, сидят за границей, опекаются, финансируются и направляются иностранными спецслужбами. Цель очевидна – пошатнуть наше единство... За пределами России создаются все новые якобы межнациональные организации, всякие псевдонациональные центры, а на самом деле это просто орудия информационной войны против нас... все чаще и чаще ведут [речь] о некой "деколонизации" России, а по сути, расчленения Российской Федерации и нанесения нам всё того же пресловутого стратегического поражения». Иными словами, обозначены болевые точки российского общества: необходимость пересмотра и наведения порядка в миграционной политике и наличие проблем в межнациональной сфере. В этой связи, важным является выработка идеологической платформы

¹Якобсон В. Заметки беспартийного // Звезда. 2007. № 8. Электронный ресурс. Доступно по ссылке <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/8.html>

и данный вопрос был затронут в авторском исследовании. Полученный на вопрос «Как Вы думаете, какие идеи способны объединить Россию?» материал констатирует, что, по мнению 43,3 % опрошенных, «идея объединения народов для решения стоящих перед Россией экономических проблем, вопросы технологического развития в целях ее возрождения как великой державы» является ключевой в интеграции российского общества и по национальной принадлежности данную позицию разделяют 49,2 % аварцев, 45,8 % лезгин, 37,5 % даргинцев, 33,3 % русских и 30,8 % лакцев. По значимости вторую позицию занимает суждение «героизм российского народа в зоне Специальной военной операции и военная мощь российской армии» (32,1 %), 29,9 % респондентов консолидацию российского социума связывают с «сильным и авторитетным лидером России», 24,6 % указывают на «идею безусловного соблюдения законности и прав граждан».

Акцентирование внимания на законности, по мнению автора, обусловлено тем, что люди сталкиваются с игнорированием их конституционных прав, судебным произволом, невозможностью получать гарантированные Конституцией услуги. Поэтому вполне естественным является существование данной позиции в общественном сознании дагестанского населения. Далее, интегрирующими факторами являются идеи «социальной справедливости», «обновления государственно-политического устройства России», «укрепления России как правового государства» отмеченные 20,6 %, 19,8 %, 13,3 %, соответственно.

Научное сообщество Дагестана активно исследует процессы исламского возрождения и делает вывод о проникновении религии и практически во все социальные сферы, непонимание вызывает участие религиозных деятелей в политической жизни и образовательном процессе. Религиозно ориентированная часть общества агрессивно воспринимает любую критику религиозного института, в данном контексте, Муфтията Дагестана. Поэтому, по мнению автора, логичным является точка зрения 12,3 % респондентов о «недопущение вмешательства религии и духовных лиц в образовательные и политические процессы». Через призму отношения к религии данную позицию разделяют 80,0 % неверующих и существенно меньшая часть верующих (12,2 %). Суждения «идея противостояния Западу, опора на собственные силы», «идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом», «идея "очищения" общества через религиозное учение», «идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности над интересами государства» отмечены существенно меньшей частью респондентов – 8,2 %, 7,5 %, 4,1 %, 4,0 %, соответственно.

Заключение

Резюмируя, опрошенное дагестанское население осознает важность самоидентификации в воспроизводстве исторической памяти, обозначают источники получения информации, а также консолидирующую российское общество идею («объединения народов для решения стоящих перед Россией экономических проблем, вопросы технологического развития в целях ее возрождения как великой державы»). При этом отмечается важность сохранения светскости Российского государства, ограничения вмешательства исламского духовенства в политические и образовательные процессы.

Эмпирический материал свидетельствует, что наиболее популярными источниками разнообразных исторических сведений по нисходящей выступают учебники истории, рассказы людей старшего поколения, кинофильмы, телепередачи об исторических событиях и специальная историческая литература. Немаловажной является роль и семейных архивов, при этом в массовом сознании дагестанского населения мало востребованы посещение выставок, музеев и чтение художественной литературы. Однако данные исследования констатируют существование «ядра» любителей истории, которые интересуются ею, предпочитают специализированную литературу, несмотря на некоторую «сухость» подачи материалов. Позитивным фактом является представленность на федеральных каналах передач исторической направленности, что позволит формировать российскую идентичность, с одной стороны, с другой, получить объективную информацию.

Список источников

1. Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15. EDN: VVNLMLV
2. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 223 с. ISBN 978-5-94380-303-1
3. Подлесная М. А., Соловьёва Г. В., Ильина И. В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 55–82. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.711>. EDN: QBBJYD
4. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
5. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 494 с.
6. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.
7. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3(40–41). С. 51–63.
8. Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15. EDN: VVNLMLV
9. Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 3–37.
10. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
11. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
12. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
13. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107. EDN: VXVZSV
14. Васильев И. В., Кузнецов А. Н. Историческая память как фактор патриотического воспитания граждан // Власть. 2021. Том 29. № 3. С. 142–148. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8169>. EDN: ZPBEOK
15. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М. К. Горшкова. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 248 с.

References

1. Repina L.P. Historical memory and national identity: research approaches and methods. *Dialogue with Time*. 2016;(54):9–15. (in Russ.). EDN: VVNLMLV
2. Safronova Yu.A. *Historical memory: introduction: textbook*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2020. 223 p. (in Russ.). ISBN 978-5-94380-303-1
3. Podlesnaya M.A., Solovyova G.V., Ilina I.V. Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021;12(2):55–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.711>. EDN: QBBJYD
4. Collingwood R. *The idea of History. Autobiography*. Moscow: Nauka; 1980. 485 p. (in Russ.).
5. Gene B. *History and historical culture of the medieval West*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002. 494 p. (In Russ.).
6. Nora P. Problematics of memory locations. *France-memory*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999:17-50. (In Russ.)
7. Velzer H. History, memory and modernity of the past. Memory as an arena of political struggle. *An inviolable reserve. Debates about politics and culture*. 2005;2-3(40–41):51–63. (In Russ.)
8. Repina L.P. Historical Memory and National Identity: Approaches and Research Methods. *Dialogue with Time*. 2016;(54):9–15. (in Russ.). EDN: VVNLMLV

9. Repina L.P. The Experience of Social Crises in Historical Memory. *Crises of Turning Points in Historical Memory*. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 2012:3–37. (In Russ.)
10. Ryuzen Y. *Crisis, trauma and identity. "Chain of times": problems of historical consciousness*. Ed. by L.P. Repin. Moscow: IVI RAS; 2005:38–62. (In Russ.)
11. Assman Ya. *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. ed. by M.M. Sokolsky. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2004. 368 p. (In Russ.)
12. *The past for the present: History-memory and narratives of national identity: a collective monograph*. Edited by L.P. Repina. Moscow: Akvilon; 2020. 464 p. (In Russ.)
13. Pokida A.N., Zybutovskaya N.V. Dynamics of Historical Memory in Russian Society (Based on the Results of Sociological Monitoring). *Sociological Studies*. 2016; (3):98–107. (In Russ.). EDN: VXVZSV
14. Vasilyev I.V., Kuznetsov A.N. Historical Memory as a Factor of Citizens' Patriotic Education. *Vlast'*. 2021;29(3):142–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8169>. EDN: ZPBEOK
15. *Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)*. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Ves' Mir Publishing House; 2022. 248 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Dr. Sci. (Sociology), Chief Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest

Статья поступила в редакцию 22.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 03.03.2026.

The article was submitted 22.01.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 03.03.2026.